

Елена Тебнёва

БУДУЩЕЕ – ДЕЛО ТЕМНОЕ
ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ
АКАДЕМИЯ ГРЕЙС
СВЕЛЯЧОК
НЕПРАВИЛЬНАЯ СКАЗКА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Елена Тебнёва

Неправильная сказка

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2021
 SARMA
&
«Издательство А.ЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Т11

Серия основана в 2011 году
Выпуск 636

Художник
О. Бабкин

Тебнёва Е. Г.

Т11 Неправильная сказка: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 378 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3301-8

Не пытайтесь увидеть будущее в зеркалах, иначе потеряете покой и сон. Не ходите к гадалкам и не принимайте сомнительных даров, иначе очнетесь в сказке. В сказке, в которой с самого начала все пошло не так...

Анну ждали во дворце, но она оказалась в затерянной среди лесов избушке. Она должна была полюбить владельца, но отдала сердце его врагу. И кто поручится за ее жизнь, когда вокруг плетутся интриги и открываются давние тайны?

Но зыбкая тропа может стать самой надежной дорогой, а первый встречный — самым верным защитником, ведь даже в неправильных сказках порой случаются настоящие чудеса.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Тебнёва Е. Г., 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3301-8

ПРОЛОГ

Молния расколола черное небо, осветив застывшего у окна мужчину, замороженно взирающего на буйство грозы. В ладонях он сжимал пустую чашку из-под крепкого бодрящего отвара, терпкий, горький, тревожный аромат которого все еще витал в воздухе. От громового удара содрогнулись стены и отозвалось что-то в самой глубине сердца, что-то настолько же древнее, как этот дворец, и безудержное, как летняя гроза.

Распахнуть бы створки и шагнуть навстречу стихии. Избавиться от всего чуждого, навязанного веками существования бок о бок с презренными людишками, стать наконец-то частью жестокого ветра и безжалостного дождя...

...и утратить себя в ночном безумии. Стать подобным низшим чентолям, чьи призрачно мерцающие тела рассекают воздух наперегонки с молниями...

Шэт-шан Канро, полновластный владетель Прайго, резко отвернулся от окна и смерил тяжелым взглядом застывшего возле стола человека, кутающегося в плащ с капюшоном. Единственная свеча не могла победить мрак, а молнии не так уж и часто его разрывали, однако старому звездочету Агрियो всегда было мало тьмы. Порой казалось, что под плащом скрываются ожившие тени, и даже голос старика, служившего еще отцу Канро, был им под стать — вкрадчивый, невесомый, пробирающий до мурашек. Не владетеля конечно же, но, как Агрियो действует на простых смертных, шэт-шан понимал — сплетен в свое время наслушался достаточно. И не только о бессменном звездочете. Слуги знали все. Или же думали, что знают. И их рассказы, украдкой передающиеся из уст в уста, изрядно развлекали Канро и щекотали нервы вольным и невольным его гостям.

В этот раз Агрियो ничем не порадовал своего господина. Напротив, вести, принесенные им, породили новую волну желания

шагнуть в окно и слиться с грозой. Вялую такую волну, бессильную.

Сбежавшую невесту наследника до сих пор так и не нашли.

— Не нашли, — нараспев повторил Канро. Злость выплеснулась накануне, вся, до последней капли, оставив вместо себя опустошение и разочарование. И усталость. Тяжелую, как ритуальные доспехи, и непреодолимую, как дороги ночной равнины Заката.

— Обязательно найдут, — заверил Агрियो. — Звезды сулят вам удачу, мой господин. А еще они говорят, что в ночь, когда Сверкающая расчертит небо, в наш мир вернется его утерянная частичка...

— То же самое твои звезды обещали два года назад, — поморщился Канро.

Изящные, унизанные кольцами пальцы задумчиво огладили пузатый бок чашки, повторили рельефный узор — сцепившиеся воедино знаки терпения и благополучия. Только тот, кто умеет ждать, обретет счастье. Но всякому терпению рано или поздно приходит конец.

— Тогда они лишь указали на возможность, — поклонился звездочет. — Сейчас же это неизбежно.

Агрियो все-таки откинул капюшон, смело встретив пристальный, хотя и недолгий взгляд своего шэт-шана. Право слово, уж лучше бы и дальше оставался безликой тенью... Канро прищурился на пламя свечи, и оно расплылось, растянулось туманным маревом. За таким же скрывалось будущее, о котором столь уверенно вещает ученый червяк. Как есть червяк. Длинный, тощий, с нелепыми усиками и собранными в жидкую косицу наполовину седыми волосами. И это с ним говорят звезды? Ему поверяют сокровенные тайны?

Мысли о неизбежном счастье были сладки. Но можно ли полностью погрузиться в них, доверившись обещаниям этого червя?

Можно. Если взять все в свои руки. Счастье — птица редкая, капризная и свободолюбивая, и хватать ее нужно крепко. Есть лишь одна попытка. И он, Канро-шан, владетель Прайго, сделает все, чтобы сия птица оказалась надежно запертой в его личной клетке.

До явления Сверкающей оставался ровно один лунный цикл. Достаточно времени для того, чтобы подготовить неизбежному счастью подобающий прием.

Гроза словно взбесилась. Молнии почти непрерывно раскали небо, и, поднимаясь на самый верх восточной башни, Агрियो глубже натягивал капюшон плаща, пряча слезящиеся глаза от ярких всполохов. Тянуть далее было нельзя. Канро-шан на пределе, да и погода подходящая. В такие ночи грань между мирами особенно тонка...

Добравшись до круглой комнаты под прозрачной крышей башни, старый звездочет не стал зажигать свет. Быстро нашел нужную вещь, сдернул скрывавшую ее тяжелую ткань. Очередная вспышка отразилась в огромном зеркале, поселила в его глубине призрачное сияние, оставшееся даже после того, как молнии бесследно поглотила тьма ненастья.

— Я знаю, ты слышишь меня, — проскрежетал Агрियो, легко касаясь ледяной поверхности сухими узловатыми пальцами. — Время пришло.

Под глухой рокот грома зеркальная гладь пошла рябью, словно кто-то щедро плеснул на нее расплавленное серебро. И из этого серебра, живого, подвижного, проступило лицо с тонкими чертами и незрячими, широко распахнутыми глазами, в свете еще одной молнии блеснувшими столь ярко, что Агрियो отшатнулся, прикрывшись полой широкого плаща. А когда вновь осмелился посмотреть на зеркало, из него медленно появлялась рука. Раскрылась узкая серебряная ладонь, нетерпеливо дрогнули пальцы, и звездочет поспешно вложил в них маленький мешочек из черного бархата. Пальцы сжались, рука так же медленно втянулась в зеркало. Беззвучно шевельнулись серебряные губы, и прежде, чем лицо тоже исчезло, Агрियो прошеле-стел:

— В этот раз ты не имеешь права на ошибку. Ее ценой станет не только твоя жизнь.

Последние слова потонули в громовом раскате, но в том, что их все-таки услышали и в полной мере осознали, старик ничуть не сомневался.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Все началось с дурацкого гадания.

Зеркальный коридор казался бесконечным, и пламя свечи расцветало в каждом из бесчисленных отражений, растекалось жидким золотом, туманило сознание, затягивая в таинственный, только что сотворенный мир. Или он, мир этот, существовал всегда и лишь ждал, когда кто-нибудь откроет в него проход? Игра разума. Ловушка для души. И сердце бьется так сильно, что становится больно, но даже боль не отрезвляет, не позволяет оторвать зачарованный взгляд от переливающихся граней зеркал... от того, что происходит за ними, постепенно истончающимися, исчезающими.

Золотисто-багряное небо — свечи по эту сторону реальности щедро поделились с ним своим сиянием. Усыпанное крупными фиолетовыми бутонами дерево, огромное, крепкое, с мощным стволом, который и трое людей не обхватят. На примятой синеватой траве — такой же багряный, как и небо, меч. Рядом с деревом стоит высокий мужчина, лица которого почти не видно из-за растрепавшихся темных волос.

Идиллическая картина. Нестерпимо хочется взять в руки карандаш и набросать ее на бумаге, торопясь запечатлеть каждую мелочь, прежде чем...

Всего лишь миг — и обрушившийся с неба огонь поглотил и дерево, и траву, и мужчину, который не предпринял ни единой попытки спастись, и сам иллюзорный мир, а потом хлынул в зеркальный коридор, пронесся по нему, плавя стены, и выплеснулся в мир настоящий.

Щеки обдало нестерпимым жаром, горячая волна омыла тело, а сердце едва из груди не выпрыгнуло. Отшатнувшись, я не удержала равновесия и неуклюже упала. Встать не сумела — перед глазами все еще плясали огненные всполохи, а кожа горела, словно ее и в самом деле опалило.

— Аня! Эй, ты чего?!

Меня потрясли за плечо, и я наконец-то окончательно пришла в себя.

Я — это я. И я нахожусь в собственной квартире, а не невесть где, и надо мной простирается потолок, а не плюющееся огнем небо... И вообще, неплохо бы подняться и выпить воды. И чем холоднее она будет, тем лучше.

Я с трудом села и тут же получила большую кружку с водой. Махом осушила ее и в упор посмотрела на взволнованную подругу. Да, я бы тоже испугалась, свались кто при мне посреди святочной забавы. Но вопросы задавала бы другие...

— Что ты видела?! — жадно спросила Света, едва я оторвалась от кружки и блаженно вздохнула, ощутив, что жар отступил.

— Спасибо, я в порядке, — хмыкнула я.

— И без тебя вижу, — отмахнулась подруга. — Но ты ведь что-то видела? Или кого-то? Видела же?!

Я вздрогнула, в подробностях припомнив видение, и помотала головой:

— Глупости. Зря только на твои уговоры повелась, как малолетка...

Света обиженно надулась и фыркнула. Гадания она, в отличие от меня, уважала. И не беда, что ничто из нагаданного никогда не сбывалось. Порой я даже завидовала такому непоколебимому оптимизму и твердой вере в светлое будущее. А сейчас тихо радовалась тому, что гадалка из подруги никудышная. Как бы мог сбыться подобный бред? Сценка была бы уместна в фэнтезийном фильме, но не в реальной жизни. А у меня просто последствия усталости и недосыпа. И ладно бы еще что приятное привиделось... Наверное, кошмары — мое все. Что во сне, что наяву.

Ночью я убедилась, что так оно и есть, потому как приснилось мне то же самое. Дерево, меч, мужчина и поглощающее все пламя. И следующей ночью. И следующей...

Все началось с дурацкого гадания, продолжилось не менее дурацким сном и, увы, на этом не закончилось...

Вновь наступила ночь.

И вновь горело дерево и молча погибал мужчина, которого я знать не знала, но чья нелепая смерть раз за разом рвала сердце в клочья. И вновь я ничего не могла сделать, лишь смотреть и безмолвно плакать, потому как закричать не получалось, словно я

была русалочкой, у которой злая колдунья забрала голос, так и не дав взамен ног.

— Когда Сверкающая расчертит небо, — зловеще шепнули в самое ухо, и я, задохнувшись от последней вспышки чужой, но на эти долгие мгновения ставшей моей боли, наконец-то очнулась.

Лежала я долго, уставившись в затянутый сумерками потолок. Прийти в себя ночь от ночи удавалось все сложнее. И все реальнее становился жуткий сон, не дающий мне покоя. Вот уже целый месяц. Как привязался с того дня гаданий, так и не отвязывается. Не помогали ни снотворное, ни успокоительные, ни медитация. Хорошо еще идти никуда не надо...

Но хорошо было лишь до Светкиного звонка. Отвечать не хотелось, но я по горькому опыту знала: подруга все равно не отстанет и добьется моего полного внимания. Так или иначе. На сей раз ей требовалось не только внимание, но и присутствие. Пришлось быстро приводить себя в порядок, одеваться и выходить из теплой квартиры в промозглую сырость февральского дня. Между прочим, рабочего, с чего бы это подруга ко мне заявила, вместо того чтобы изображать бурную трудовую деятельность в офисе? Если бы она вдруг решила упорхнуть на свободу, непременно бы сказала. Как это сделала я неделю назад.

В небольшой торговой компании я проработала три года. Первый год все было в порядке, а вот потом начались странности, и последнюю пару лет меня не покидало ощущение, что там мне не место. Вроде бы и работа по душе, и с коллективом более-менее ладила, но царапало что-то, не давало покоя. И наступил момент, когда стало ясно: либо я уволюсь, либо слягу с нервным срывом и буду лечиться, долго, нудно и, возможно, безрезультатно. Моя интуиция работала хорошо. В отношении друзей. Я могла назвать выигранные номера лотереи соседу или же отговорить подругу от свидания с подозрительным кавалером, впоследствии оказывавшимся вовсе не таким белым и пушистым, каковым стремился выглядеть. Но вот в отношении меня интуиция действовала странно: могла как вмешаться, так и отмолчаться. Второе происходило гораздо чаще. Когда же она все-таки просыпалась, я старалась от нее не отмахиваться и не прогадывала. Сбережения, причем неплохие, имелись, и я решила сделать паузу и отдохнуть. В последнее время это практически не удавалось, и сейчас я наслаждалась спокойствием, наступившим в моей жизни.

Однако Светлана искренне считала, что мне нужно не отдыхать, а устраивать личную жизнь, отсутствие которой меня, в отличие от окружающих, совершенно не волновало. И сегодня подруга вознамерилась спасти мою заблудшую душу из глубин мрака одиночества, в которых она вообще-то отродясь не бывала. План спасения Света не уточнила, а спросить не хватило смелости.

Когда я вывалилась из подъезда, подруга уже поджидала меня. Ухватила под руку и потянула в подворотню, загадочно сообщив, что наша цель находится неподалеку и мы быстрее пройдем пешком, нежели доедем. В тот момент я слегка занервничала, но сбежать бы мне никто не дал, а потому пришлось смириться и покорно идти вслед за воодушевленной Светой, преисполненной решимости меня осчастливить.

Божечки-кошечки, надеюсь, я выживу.

— Тебе скоро тридцатник, — вещала подруга, — оглянуться не успеешь, как окажешься одна-одинешенька в окружении тридцати кошек!

— Во-первых, среди такой толпы одинокой быть не выйдет, — фыркнула я, — а во-вторых, почему это кошек всего тридцать, разве положено не сорок?

— Сорок будет в сорок, — отрезала Света.

— Надо бы подыскать квартиру попросторней, — пробормотала я.

— Бестолочь! — возмутилась подруга. — Ты вообще понимаешь, о чем я?!

— Конечно же понимаю, — хмыкнула я. — Непросто за три года обзавестись тридцатью пушистиком. Но, поверь, я двигаюсь в этом направлении.

Котика уже приглядела. И все необходимое для его содержания купила. Надеюсь, уживемся. А там, возможно, и второго смогу приютить. Сорок, конечно, перебор, на один только корм работать придется, но хотя бы пятерых ласковых питомцев я завести планировала, пусть и не в ближайшем будущем.

Все это я и выложила Свете, от глубокого возмущения едва не споткнувшейся на ровном месте.

— Ненормальная, — надулась подруга. — Вот попомнишь еще мои слова...

Угу. И ее, и мамыны, и любимой сестрицы. Почему-то все норовили учить меня жизни, причем словно по одному конспекту. Сначала это задевало, но потом я стала относиться к нотациям

философски. Мало ли какие у кого увлечения. Хотя лучше бы они крестиком вышивали, для нервов окружающих полезнее.

За разговором я не заметила, как мы буквально уперлись в обшарпанную дверь. Да и само здание было ей под стать: серое, безобразное. Казалось, оно осознавало собственную ущербность, оттого и пряталось стыдливо в глухом тупике.

— Это что? — осторожно уточнила я, опасливо разглядывая кричащую вывеску, на которой жуткого вида тетка сосредоточенно пялилась в хрустальный шар. С экспрессией художник явно переборщил: создавалось впечатление, что глаза тетки вот-вот вывалятся из орбит.

— Лучшая предсказательница из всех, что мне попадались, — предусмотрительно сцапав меня под локоток, сообщила Света. — Может, хотя бы она вправит тебе мозги!

Я, конечно, любила фэнтэзи во всех его проявлениях, однако четко разграничивала реальность и сказку, как бы порой ни хотелось оказаться в последней, и в НЛО, вампиров, гадалок и прочую нечисть принципиально не верила. Так что кому из нас нужно мозги вправлять, тот еще вопрос... А памятью о последствиях прошлого гадания, я попыталась сбежать. Куда там! Сначала меня удержала нежная, но хваткая ручка подруги, а потом — ее же жалобный взгляд, способный растопить айсберг.

Хотя, может, и стоило вырваться и унести ноги. Мало святочных приключений было? Пусть во всем и виновато мое излишне живое и болезненное воображение, но кто гарантирует, что здесь его и вовсе не покалечат?

Здравая мысль пришла не вовремя — отступить стало поздно, да и некуда. Коридорчик оказался чересчур узким, а сзади выразительно сопела Светлана, ненавязчиво подталкивая вперед, к еще одной непритязательной дверце, в которую после непродолжительной борьбы меня и впихнула. Изящная, невысокая, похожая на фею блондинка в определенных обстоятельствах проявляла недюжинную силу...

В комнату я практически влетела. Выдохнула сквозь зубы, сдерживая ругательства, и, оглядевшись, застыла на месте. За низким столиком, скрестив ноги, сидела женщина. Благодаря приглушенному свету я не могла ее рассмотреть, однако ответный взгляд ощутила всей кожей. По спине рассыпались ледяные мурашки, заставив поежиться. Я прикрыла глаза, пару раз глубоко вдохнула и выдохнула. Кое-кому нужно чаще с людьми общаться, а то одичать немудрено.

— Присаживайся, — вывел меня из оцепенения глубокий, завораживающий голос. — После бессонных ночей нелегко держаться на ногах, Анна.

Я как стояла, так и села. И лишь тогда заметила, что пол застелен пушистым ковром. Сразу же стало неловко, что ввалилась сюда в сапогах. Вскочив на ноги, я шарахнулась к двери, но не успела ее открыть, как вновь послышался чарующий голос:

— Если уж пришла, не разумнее ли остаться? Неужели не интересно, что тебя ждет? Или как справиться с тем, что не дает покоя здесь и сейчас?

Я до боли в пальцах сжала дверную ручку. Медленно обернувшись, сняла пуховик, разулась, прошла к столику и устроилась напротив гадалки — или кем она там является? — молча следившей за мной. Оказавшись ближе, я смогла ее рассмотреть. Не старше меня, тонкие черты лица, огромные светло-карие глаза, обрамленные длинными темными ресницами, яркие пухлые губы, которым наверняка очень шла улыбка. Широкий халат, украшенный вышивкой и бисером, скрывал фигуру, а похожий на чалму из восточных сказок головной убор — волосы. И лишь одна непокорная темно-каштановая прядка змейкой вилась вдоль изящной шеи. Гадалка неспешно, все так же не нарушая молчания, зажгла стоявшие на столике свечи, и по комнате поплыл еле уловимый сладкий аромат. Надеюсь, это не наркотики и меня не накроет безумными грезами. Оных мне и по ночам хватает.

Кстати о них...

Но я и рта раскрыть не успела. Женщина протянула руку и требовательно посмотрела на меня. Я неохотно подала ей свою. Раз уж осталась, нужно подчиниться правилам игры. А уж потом я Свете все выскажу, да так, что она про паранормальные глупости надолго забудет.

— Две дороги, три пути, — нараспев произнесла гадалка, водя кончиком изящного пальца, на котором блестело колечко с небольшим бриллиантом, по линиям моей ладони.

— Что? — не поняла я, борясь с желанием сбежать отсюда. Слова отозвались дрожью в теле и совершенно мне не понравились.

— Для тебя уготовано две широкие дороги, — посмотрела прямо в глаза женщина. — Удобные, укатанные, и плата, за них требуемая, посильна. Но перед тобой лежат не два, а три пути. Выбирать лишь тебе.

Три пути? Третий что же, по бездорожью прокладывать придется?

Ну что за бред!

Терпение все же закончилось, и я решительно высвободила ладонь. Но гадалка вцепилась в мое запястье, и не успела я и глазом моргнуть, как на нем оказался браслет. Я поднесла руку к лицу, разглядывая неожиданный подарок. Тонкая кожаная лента ласково льнула к телу, а по внешней ее стороне серебрились пластинки, похожие на мелкие чешуйки. Словно крошечная змейка обернулась вокруг запястья и заснула, прикусив собственный хвост. А ничего так смотрится... и чувствуется. Никакого дискомфорта и желания тотчас же снять безделушку не возникло.

— Что это? — недоуменно спросила я. Женщина выглядела уставшей, будто с момента, как мы встретились, прошло не несколько минут, а минимум полдня.

— Компас, — слабо усмехнулась она и провела дрожащей рукой по побледневшему лбу. — Должна же ты найти свои дороги, чтобы выбрать единственно верный путь.

Ее слова мне не понравились. Я нахмурилась и повертела браслет в поисках застежки. Тщетно. Попыталась снять его, не расстегивая, но он не поддался. В отчаянии дернула сильнее, но лишь кожу содрала. Зашипела, зажимая ранку, и мрачно уставилась на гадалку:

— Что это за фокусы? Прекратите немедленно!

— Ты пришла за помощью, — пожала она плечами. — Я сделала все, что в моих силах. Поверь, отныне тебя не побеспокоят странные сны. И мысли о том, что в этом мире ты лишняя, больше не будут тебе досаждать.

Я подавилась собственным возмущением и теперь взирала на женщину не со злостью, а со страхом. Ни о снах, ни тем более о глупых мыслях, все чаще меня посещающих, я даже Свете не говорила!

— Ступай, — махнула рукой гадалка. — И ничего не бойся. Верь себе, и все обязательно получится.

Я послушно встала, медленно кивнула и пошла к выходу. В голове было пусто и звонко, щеки пылали, а запястье приятно покалывало. И это отчего-то успокаивало. Словно так и должно быть.

А может, и правда должно?

Мне действительно нужна помощь. Пусть даже я и сама себе в этом не признавалась...

Две дороги, три пути. Что бы это ни значило, выбирать надо осторожнее, дабы не оказаться на бездорожье.

ГЛАВА 2

Автобус неспешно ехал по залитым красноватым сиянием фонарей улицам, замирая на светофорах и остановках, впуская и выпуская людей. Я сидела в конце салона, заткнув уши наушниками и прижавшись лбом к холодному стеклу, и прокручивала в голове визит к гадалке.

«Твою судьбу насильно изменили, — сказала она напоследок, протягивая листок бумаги с красиво выведенным адресом. — Если хочешь вернуть то, что принадлежит тебе по праву, будь там в девять часов вечера. Одна».

Свете я ничего не сказала. Не смогла сразу решить, нужно ли ехать в противоположный конец города или же забыть о странном разговоре, а подружка точно отвернется не позволила бы. Я не верила во всю эту чушь, но червячок сомнений назойливо нашептывал, что стоило бы проверить. Хотя бы для того, чтобы убедиться: со всякими шарлатанами лучше не общаться. Определилась я в самый последний момент. Словно толкнуло что-то, вынуждая одеться и выбежать из дома, надеясь, что автобус не задержится.

Он не задержался. Я успевала. Сама не знаю, куда, для чего и зачем...

Автобус неожиданно дернулся, и я сильно приложилась лбом о стекло. И одновременно с этим меня словно молнией прошило.

Что я делаю?!

Мысль оказалась настолько сильной и яркой, что я будто от долгого сна очнулась. Огляделась удивленно, поежилась от внезапного холода... и решительно направилась к дверям. Сойду на следующей же остановке.

Народу было мало, в наушниках играла бодрая мелодия, настроение стремительно выправлялось. Едва двери распахнулись, я выпорхнула из автобуса, улыбаясь неизвестно чему, и, споткнувшись, упала. Показалось, что запястье обожгло, а воздух превратился в нечто мягкое, упругое, серебристое... И это нечто подхватило меня, покрутило и опустило на землю.

Чего только со страху не померещится!

Я лежала, пытаюсь выровнять дыхание и осознать, не повредила ли чего. И вроде даже не ушиблась, а встать почему-то не могла. И никто, что характерно, помочь не торопился. Неудивительно, в общем-то, но все равно обидно...

Под неуместно жизнерадостную музыку я оторвалась-таки от земли, с охами села... и торопливо зажмурилась. Стащила дрожащими руками наушники, осторожно ощупала голову, не обнаружила повреждений и рискнула приоткрыть глаза. Но так им и не поверила. Как и ушам, которые слышали вовсе не привычный городской шум, а шелест ветвей на легком ветерке и разноголосый птичий щебет. И сидела я вовсе не на плохо очищенном от наледи асфальте, а чуть ли не по пояс в удивительно мягкой синеватой траве, простирающейся до линии горизонта. Обернувшись, я увидела стену деревьев, теряющихся в разбавленных очень странным освещением сумерках.

А подняв голову, надолго потеряла способность думать, ибо по нереально черному небу медленно летел большой сияющий шар, оставляя за собой шлейф золотых, голубых и серебряных искр. Они расчерчивали тьму причудливыми узорами, гасли и тут же вспыхивали, словно тысячи крохотных фейерверков, дождем опадали на землю, но так и не достигали ее, истаивая. Невероятно красиво. Завораживающе. Страшно.

Божечки, как же страшно!

Вновь зажмурившись, я потеряла глаза, с надеждой распахнула их... и поняла, что все-таки слишком сильно ударились головой. И, вероятнее всего, лежу сейчас на остановке без сознания. Надеюсь, кто-нибудь вызовет «скорую». Умирать, пусть даже и в окружении такой красоты, совершенно не хотелось.

— Приди в себя, ну же! — прошипела я зло и со всей дури уцлинула себя за руку. Ойкнула от неожиданно сильной боли, проморгалась от слез и обреченно вздохнула, ибо ничего не изменилось. Разве что немного темнее стало...

Невероятный шар уплывал, тускнея с каждым мигом, и оставленные им искры медленно растворялись в чернильной глубине неба.

Сверкающая улетала все дальше и дальше, погружая мир в объятия ночи, а потом и вовсе исчезла, поглощенная бездонной чернотой. И лишь разноцветные искры — упавшие на землю частицы Сверкающей — слабо мерцали в траве, разгоняя плотный мрак. Одна из драгоценностей этого мира, чистое волшебство.

Но сейчас Канро совершенно не интересовали ни искры, ни та польза, что они принесут. На указанном Агрийю месте так никто и не появился. Сам звездочет переминался с ноги на ногу рядом, и владетель слышал его тяжелое прерывистое дыхание,

а из-за сползшего капюшона видел и залившую старческое лицо бледность.

— Она здесь, господин, — прошелестел Агрियो, перехватив взгляд Канро. — Я чувствую, что мир принял ее.

— Было бы намного лучше, если бы ты, а заодно и я видели ее, — процедил шэт-шан.

— Расчеты подобного рода не всегда точны, — поклонился звездочет. — Существует множество причин...

— Тебя должна волновать лишь одна, — перебил Канро, — почему я не могу прямо здесь и сейчас оборвать твою жалкую жизнь?

Звездочет промолчал, только склонился еще ниже, и владетель отвернулся от него. Обвел взглядом сияющую траву, посмотрел на темное небо. Канро всегда получал то, чего хотел, и на сей раз исключения не будет. Другое дело, что это займет больше времени, нежели обычно, и, возможно, потребует больше сил, ведь даже Агрियो не знал, кого они ищут — мужчину или женщину. Но в итоге утерянная частица мира будет во власти шэт-шана. Рано или поздно. Так или иначе.

Ночевать под открытым небом мне не приходилось, и желанием приобрести такой опыт я не горела. Пусть даже это и бред, вызванный неудачным столкновением моей дурной головы и асфальта. А голова и правда дурная. Могла бы чего и поприятнее организовать. У меня даже бред скучный до невозможности! Ну, за исключением небесного представления. Такого моя фантазия еще не выдавала, ни во сне ни наяву.

То, что трава мерцает, словно ее украсили светодиодными гирляндами, я заметила, лишь когда странный шар окончательно пропал. Золотые, голубые и серебряные искры вовсе не растаяли в воздухе, а осели на землю, преобразив унылый пейзаж. Я провела рукой по траве, и искры прильнули к коже, остались на одежде, превратив меня в безумного светлячка. Да, я безумна, раз видела это. Раз верила, что это — правда. Но не верить не получалось: я чувствовала боль, мне было жарко в пуховике, свитере и зимних ботинках, а еще хотелось пить. Воды поблизости не наблюдалось, но кое-что я могла исправить. Достала телефон, убедилась, что сигнала здесь нет и, похоже, никогда не было, постаралась свыкнуться с мыслью, что помощи ждать неоткуда, по крайней мере, незамедлительной. Сняла пуховик и, скатав его, с трудом запихала в сумку, ничуть не напоминая изящный дамский ридикуль. Хотела разуться, но, поразмыслив, передумала.

мала. А если здесь водятся змеи или еще кто мелкий, злобный и зубастый? Лучше уж пострадать от жары, чем быть укушенной или на осколок стекла наступить. А чтобы свести подобные вероятности к минимуму, нацепила на нос заранее извлеченные из сумки очки. Обычно я их не носила, но здесь нужно быть насто-роже и подмечать любую мелочь, а как раз-таки мелочи мои гла-за различали не всегда.

— Сумасшедший турист на свободе, — пробормотала я, пере-кинув ремень распухшей сумки через плечо, и, вздохнув, побре-ла в противоположную от деревьев сторону. Вряд ли близ леса найдется жильё, по крайней мере, никаких его признаков не видно и не слышно. Сейчас не важно, где я и как сюда попала, главное, отыскать людей. Телефон. Позвонить родным. Верну-ться домой.

Убить Светку, из-за которой потащилась неизвестно куда на ночь глядя.

Хотя злилась я больше на себя. Подруга в моей собственной дури не виновата. Ну, почти не виновата, ибо талантом разбу-дить эту дурь обладают немногие.

Шла я долго, но пейзаж не менялся. Темное небо расцветило крупными яркими звездами, искры в траве мерцали подобно крошечным светлячкам, все выглядело красиво и невероятно романтично... И только уставшая, растрепанная, злобно пыхтя-щая девица, прокладывающая путь в травяном море, абсолютно в эту красоту не вписывалась.

Я готова была упасть и позорно разреветься, когда в сиянии звезд и искр возникла темная фигура с факелом в руке. У меня открылось второе дыхание, и до неспешно шагающего навстре-чу человека я долетела за считанные секунды. Факт, что он ока-зался странно одетым, широкоплечим и бородатым, а из его гус-той ярко-красной шевелюры выглядывают аккуратные рожки, мой окончательно уставший мозг старательно проигнорировал.

— Дядечка! — радостно воскликнула я, вываливаясь из тра-вы на широкую тропку. — Спасите, пожалуйста!

«Дядечка», даром что был выше и явно сильнее, шархнул-ся в сторону, и я едва увернулась от вспыхнувшего факела. Нер-вный какой! Хотя, наверное, не каждую ночь на него безумные девицы выпрыгивают... Пришлось повторить вопль отчаяния, на этот раз чуть потише и не столь эмоционально, но вместо клятвенных заверений, что все непременно будет хорошо и мне конечно же помогут, потенциальный спаситель нахмурился,

смачно почесал бороду и выдал нечто замысловатое и совершенно непонятное.

Подобного языка я никогда не слышала. А странный рогатый мужик явно ожидал реакции... Я и отреагировала. На английском, ломаном итальянском и жутком немецком, от звуков которого сама поморщилась. Да я даже жестами попыталась донести, что мне нужно! Но к пониманию мы так и не пришли. Бородатый окинул меня внимательным взглядом, обошел, покачал головой и неожиданно ткнул пальцем в небо, очертил ладонями большой круг и указал на свои, а затем на мои глаза.

Это он чего, спрашивает, видела ли я ту сияющую штуку? Да ее лишь слепой не увидел бы! Мое зрение неидеальное, но не настолько же.

Прогресс в нашем общении таки наметился. Я энергично закивала и тоже обозначила в воздухе круг, еще и искорки изобразила. Ну, как могла, так и изобразила. Мужик просиял и хлопнул огромной лапищей по своему бедру, но порадоваться вместе с ним я не успела: на голову подло накинули плотный мешок и, бесцеремонно оторвав меня от земли, куда-то потащили.

Кажется, мы друг друга поняли как-то не так. Я бы даже сказала, совершенно не поняли!

По всем законам читанных мною книг я должна была красиво потерять сознание, но увы. Так и болталась на чьем-то невероятном костлявом неудобном плече головой вниз, словно набитая овощами авоська. Обращались со мной соответственно, протестующее мычание игнорировали, а после попытки — удачной, кстати — лягнуть обидчика встряхнули, едва без зубов не оставив, и очень неласково рявкнули. Что именно, не разобрала, но на всякий случай прониклась и решила тихонечко повисеть, пока вместо чувств не лишилась жизни.

Бред из фантастического превращался в криминальный...

Божечки, за что мне это? Попала неизвестно куда, встретила не пойми кого... Теперь еще и похитили! Для чего, спрашивается? Денег все равно не получают, хоть по частям режьте, жаль, объяснить не могу. И проснуться — тоже! Нет, это явно не сон. Иначе я давно бы уже вскочила, перебудив соседей, и пила бы щедро сдобренный валерьянкой чай на своей уютной кухне.

Я успела окончательно загрузить, когда меня отпустили — вернее, уронили — и наконец-то сдернули мешок. Я зажмурилась от неожиданно яркого света, приоткрыла глаза — и, судорожно выдохнув, все-таки отключилась.

В себя я приходила постепенно. Сначала появились звуки. Неясные шорохи, осторожные шепотки, невнятное бормотание... Затем — запахи. Остро пахло какой-то травяной настойкой, и оттого во рту горчило, а еще захотелось чихнуть. Я смогла пошевелиться, потерять зачесавшийся нос... И резко сесть, когда вместе с чувствительностью вернулись воспоминания. Ну как вернулись... Обрушились горным водопадом на мою несчастную голову, которая болела так, будто по ней долго и упорно били.

Глаза я открывала с опаской. Не была уверена, что моя психика выдержит новую встречу с образиной, увиденной до обморока и весьма оному поспособствовавшей. Но, вопреки страхам, ничего ужасного здесь не оказалось. В отличие от странного... Комнатка была небольшой, конусообразной, будто я попала в шалаш. Стены обтянуты светлой, мягкой тканью. Пол устлан теплым ковром, а на нем, помимо меня, расположились еще несколько человек, причем никто ни на кого не обращал внимания. Неподалеку свернулась калачиком девушка — если судить по хрупкой фигурке и длинным темным волосам, лица я не видела. Чуть дальше, скрестив ноги и покачиваясь из стороны в сторону, сидел худощавый парень. Женщина средних лет, беззвучно шевеля губами, вычерчивала на стене пальцем только ей ведомые узоры. Еще одна девушка, сидевшая в центре, не сводила с меня глаз. И одеты все одинаково: свободные брюки, рубашка и длинная безрукавка. Серые, без единой цветной детальки. Скучно. И жутковато. Куда меня опять занесло?!

Впрочем, на себе я обнаружила кое-что, чего не было на остальных. Мою шею обхватывал неширокий ошейник из мягкой кожи с нашитыми металлическими пластинками, и на нем, как и на браслете, и намек на застежку не имелось. Что еще за пакость? И почему только я удостоилась сей чести?

Я хотела было разбавить гнетущую атмосферу психиатрической клиники парочкой животрепещущих вопросов, но тут открылась не замеченная ранее дверца, впуская печально знакомого рогатого-бородатого. При виде бесстыжего похитителя я сжала кулаки и приготовилась выяснять отношения вовсе не на словах, которые тот все равно не понимает, но снова не успела.

— Наружу выбираться не советую, даже пытаться не стоит, — равнодушно сообщил он. Я его понимаю! Понимаю! Какого черта лысого этот рогатый из себя иностранца строил?! — Ваша судьба скоро решится. Хотя кому я это говорю...

Он обвел нашу маленькую серую компанию взглядом, в котором причудливо мешались презрение и жалость, и хотел было выйти... но тут отмерла я.

— Эй! — зашипела потревоженной гадукой, вскочив на ноги. Оные, между прочим, были босыми, на тапочки «благодетели» не расщедрились. И, чтобы удивленно обернувшийся рогатый убедился, к кому именно обращаюсь, невежливо ткнула в него пальцем. — Что происходит? Где я? Кто вы?

— Надо же, она соображает, — растерянно пробормотал он, смотря на меня как на заговорившую зверушку.

— Я и в первую нашу встречу неплохо соображала, — поджала я губы. — А вы меня, словно картошку, в мешок запихали!

Рогатый поморщился и отступил к выходу. Врешь, не уйдешь! Но ослабшие ноги подвели, и я растянулась на полу, чем и воспользовался похититель. Рыбкой нырнул за дверь и захлопнул ее, еще и запер наверняка, потому как мне она не поддавалась.

— Эй! — Я забарабанила по мягкой ткани со всей дури, коей ныне осталось прискорбно мало. — А ну открывай! Немедленно объясни, что происходит! Эй!..

Никто из моих товарищей по несчастью даже не пошевелился, не говоря уж о том, чтобы присоединиться к бунту. Их что, опоили? Слишком безучастны они были, слишком... И, наверное, нужно бы испугаться и последовать их примеру, но такая злость накатила, что правильные мысли из головы вымело. Я застучала и закричала с новыми силами, и дверь все же распахнулась. Мрачный рогатый ввалился внутрь и потянулся своей лапшой к моему горлу. Душить свободу слова, вестимо..

Но чужие пальцы всего лишь сдвинули пару пластинок на ошейнике, и я сильно удивилась. Так сильно, что опомнилась, когда рогатый уже закрывал за собой дверь. И возмутиться не вышло — как ни старалась, не сумела выдать из себя ни словечка. Даже шепотом.

Допрыгалась, Васильева. Докричалась.

Этот гад в самом прямом смысле лишил меня дара речи.

Не прошло и минуты, как бородатый вернулся и без предупреждения швырнул мне в лицо мерцающую пыль, от которой нещадно защекотало в носу. Я чихнула и испытала непреодолимое желание откусить рогатому нос. Его счастье, что стоял далеко. Мое, впрочем, тоже, негигиенично это, грязные носы в рот тянуть.

Мужик уставился на меня, словно ожидая, что прямо сейчас превращусь в лягушку. Но что-то явно пошло не так...

— Ты видела?! Видела огненный шар в небе?! — прорычал он, нависая надо мной. Вернуть голос не додумался, пришлось кивать. Кажется, с этим мы уже разобрались, чего сейчас-то пристал?

— Не может быть! Тогда почему?..

Не знаю, что именно должно было произойти и почему не произошло, но до кого-то дошло, что утащил он не того человека. Следовало нормально спрашивать, а не притворяться глухонемым! Или же на месте проверять, чтобы потом не разочаровываться.

— Ладно, — процедил рогатый. — Небось на что-нибудь да сгодишься.

Эй! Я так не играю! Ведь можно и просто отпустить с миром, извинившись за причиненные неудобства! Да я даже без извинений согласна, только оставьте вы меня уже в покое!..

Рогатый ушел, а я так и не смогла высказать наболевшее. Вцепилась в ошейник, пытаюсь если не расстегнуть, то порвать, но тщетно, только пальцы поранила, из-за чего злость разгорелась еще ярче. Да я и молча могу здесь все разнести!

Но между мной и дверью встала светловолосая. Округлив глаза, прижала палец к губам и, схватив мою руку, села, вынуждая последовать ее примеру.

— Зря ты так, — шепнула она, наклонившись ближе. — Ничего не добьешься, только хуже себе сделаешь.

Я упрямо сжала губы и попыталась подняться, но меня удержали.

— Ты не в себе, — торопливо сказала девушка, — тебя одурманили. Но вместо покорности разбудили ярость. Усмири ее, пока не погибла. Ты же не знаешь, где мы?

Я отрицательно качнула головой и вырваться прекратила. Действительно, в том, как я себя вела, было много странного.

— Ты ведь видела Сверкающую?

Что видела? Она о злополучном шаре? Или еще о чем-то? Вряд ли. Сверкал же он... Начинаю подозревать, что все мои беды как раз из-за того сверкания и приключились.

— А о торговцах, стало быть, ничего не слышала?

Сдается, она не о тех, кто тихо-мирно продает безобидные безделушки. Если здесь чем и торгуют, то только людьми.

— Откуда же ты такая взялась? — удивилась девушка. — Сверкающая появляется раз в пару лет, манит, притягивает ма-

гов. Как ни прячь свою суть, этой ночью ничего не выйдет... Торговцам только и остается, что следовать за ней и пленять тех, кто услышал ее зов. Говорят, с каждым годом таковых все меньше и меньше... Но кто-то же должен собирать искры — великий дар Сверкающей...

Девушка говорила тихо, приходилось буквально ловить каждое ее слово. И в том, что правильно все расслышала, я сильно сомневалась. Какие еще маги? Какой дар?! Хотя... Тот же ошейник, отбирающий голос, тоже не вписывался в мою реальность. Как и рогатый похититель. И та жуть, что я не столь давно имела сомнительное счастье видеть.

Кажется, попала я куда дальше и крепче, чем могла представить.

Пока я пыталась переварить новую информацию, девушка разглядывала и ощупывала мой ошейник, но в итоге, вздохнув, виновато потупилась:

— Прости, я не знаю, как это снять.

На иное и надеяться было бы глупо.

Мы сидели друг против друга, размышляя о своем. Остальным дела до нас не было, они и себя-то не помнили, не осознавали. Интересно, почему со мной и со светловолосой иначе? На нее тоже неведомая гадость не так подействовала? Судя по поведению, не просто не так, а вообще никак. Меня до сих пор сжигала ярость, которую я еле сдерживала, а девушка была спокойна и в великие героини-сокрушительницы не рвалась.

— Я не маг, — пояснила она, когда я, устав от молчания, умудрилась жестами выразить недоумение. — Случайно здесь оказалась...

Ну да, случайно. Вон как щеки покраснели. Не хочет говорить — не надо. Тем более толку от тех разговоров... Я вот тоже не маг, но и меня прибрали. И отпускать не собираются. Шутка затянулась, однако. Ощувив, что вот-вот снова взорвусь, я задышала медленно и размеренно, за неимением лучшего сосредоточившись на подруге по несчастью.

Волосы словно золото, глаза медовые, огромные, ресницы пушистые. А я... Обычная. Русая, с едва заметной рыжинкой, сероглазая. И балахон, в который меня обрядили, эту обычность наверняка лишь подчеркивает. И оттого еще обиднее!

Тряхнув головой, я зажмурилась. И все же, кто здесь сумасшедший? Я или они? В то, что я попала к чокнутым любителям фэнтези, верилось охотнее, хотя и пугало не меньше, чем собст-

венное безумие. Кто знает, на что они способны? И удастся ли выпутаться из этой абсурдной ситуации...

Тихий вскрик прервал мои невеселые мысли. Я распахнула глаза и поначалу им не поверила: заветная дверь оказалась открыта! А светловолосая висела на шее рослого парня, с ног до головы обряженного в черное.

Ну чисто ниндзя из комиксов.

— Фира, все, идем, пока не поздно, — оторвав от себя счастливую девушку, велел он.

Названная Фирой подскочила ко мне, вцепилась в руку, вынуждая встать, и заявила:

— Я без нее не пойду!

А как же остальные?!

Наверное, этот вопрос у меня на лице написан был, потому как она шепнула:

— Их уже не спасти.

Может, и права она. Никто не отреагировал, шага к спасительной двери не сделал.

Радости от того, что вместо одной девицы придется вытаскивать двух, парень не высказал, но и возражать не стал. Потянул за руку Фиру, та потянула меня... Так, держась за ручки, и вышли. Темнота казалась непроглядной, да и прохладно здесь было. Особенно босым ногам. Но жаловаться я и не думала, главное, эти самые ноги унести подальше.

ГЛАВА 3

Землю расчертила неширокая серебристая лента, и парень, шагнув на нее, тихо обронил:

— Будьте внимательны. По сторонам не смотрите, с тропы не сходите.

Фира бесстрашно последовала за ним, я замешкалась было, но решила, что обдумаю все, когда выберусь отсюда, и тоже ступила на странную дорожку. Она мягко пружинила и согревала озябшие ноги, а еще чудилось, будто стали мы призрачно-лунными и, появившись здесь рогатый, не увидел бы он беглецов.

Я словно во сне очутилась. Следуя в полной тишине за Фирой и ее приятелем, чувствуя, что вот-вот оторвусь от земли, настолько невесомой сама себе казалась... Хотелось уже проснуться, желательно в своей постели, или на той треклятой остановке, да даже в больничной палате! Но сон длился и длился, а может,

и вовсе сном не был, и мне еще предстояло разобраться, что со всем этим делать. Потом. Когда исчезнет лунная тропа. Когда наконец-то получится выдохнуть...

Я честно старалась не смотреть по сторонам, хотя соблазн был велик. Но когда в затылок дыхнуло холодом, а слуха коснулся полустон-полувсхлип, в котором почудилось мое имя, я не удержалась. Всего лишь мазнула взглядом влево, даже головы не поворачивая... и пропала.

Та самая жуть, что испугала меня накануне, едва заметно мерцала в ночной тьме. Дышала. Щурила узкие глаза, колыхалась всем своим бесформенным телом, качала уродливой головой, обнажала в ухмылке кривые острые зубы, тянула ко мне когтистые лапы.

И таки дотянула.

Ноги сами пошли прочь от лунной тропы. К монстру из кошмарных снов. К тому, от чего стоит держаться подальше, если хочешь жить долго и в здравом уме.

Я вроде бы хотела, но уже не была в этом столь уверена. Я ни в чем не была уверена, кроме того, что нужно подойти ближе к неведомому чудищу, коснуться его, замирая то ли от страха, то ли от восхищения...

Я отчетливо слышала взволнованный зов моих спутников, но ничего не могла поделать. Да и не желала. Безразличие навалилось каменной плитой. Бросят? Ну и пусть. Зачем куда-то бежать, если и здесь хорошо?

Три шага. Два. Один. И ладони дотронулись до чудища, ощутили холод, и он пробудил разум...

Не живое оно. Как есть каменное. Но то ли в тених дело, то ли еще в чем, кажется, что глаз с меня не сводит. И смотрит прямо в душу, в каждый ее уголок, и оттого кричать хочется. Вот когда ошейник пригодился, иначе всенепременно не сдержалась бы. А так стояла, тяжело дышала и пыталась отвести от жуткой морды словно приклеенный взгляд.

Крепко вцепилась эта образина, но все же мне хватило сил вырваться. Только поздно было — лунной тропы и след простыл.

Ноги подкосились, и я осела на землю, прислонившись к жуткой статуе. И винить-то некого, кроме себя, предупреждали же, что по сторонам смотреть нельзя! А я... Какого черта лысого оглянулась? Чего увидеть хотела? Пожалуйста, увидела, любуйся теперь, пока обратно в шалашик под белы ручки не

проводили и опять чем-нибудь не накачали, для пушного спокойствия...

Ладно, нужно собраться. Перво-наперво встать. Осмотреться. Не так уж тут и темно, факелы горят... Нечасто и неярко, но все лучше темноты. А место занятное, сказочное... Шалашики белеют, деревца листочками шелестят, травка к ногам ластится. Благодарь. Если забыть, что за спиной скалится дивной красоты каменная образина... И про рогатых-бородатых, точное количество которых неизвестно. Сейчас, по крайней мере, никого не видно. Не считают нужным охранять тех, кто собственной воли лишен? Полагаются на крепость стен и дверей? А как же ниндзя, уведший Фиру? Таких умельцев здесь явно не ждали. Может, и мне улизнуть удастся? Главное, подальше отбежать, а там... Ума не приложу что, ну да ничего, придумаю. Потом. Когда решу эту проблему.

Приободрившись, я отлепилась от статуи, сделала робкий шагок... и вновь прилипла к показавшемуся вдруг надежным монстру. Скользнула ему за спину, сжалась, мечтая стать частью камня, раствориться в нем, чтобы меня не заметили. В следующую миг стало светло и шумно. Десяток факелов расцветил ночь алыми всполохами, пара десятков ног спугнула тишину. Шагавшие вдоль шалашиков люди были молчаливы, серьезны и помимо факелов держали в руках мечи. Уж не знаю, настоящие ли, но смотрелись они внушительно. И все это грозное воинство, выстроившись полукругом, следовало за высоким мужчиной. Оружия при нем не было. Да и зачем, с такой-то охраной? Его темные волосы, забранные на макушке в хвост, достигали лопаток, а одежды пламенели всеми оттенками красного. И свободные брюки, заправленные в низкие сапоги, и рубашка, и накинутый поверх то ли халат, то ли плащ, расшитый чем-то блестящим... подозреваю, вовсе не стеклом.

Какой яркий мужчина, однако. И смешным отнюдь не выглядит...

С такого расстояния да со своим зрением разглядеть лицо я не могла, но, судя по осанке и походке, он был достаточно молод. Породистый, как сказала бы моя матушка, недавно выскочившая замуж в четвертый раз. Уверенный в себе. Пугающий. У меня и от бывшего начальника, находящегося в крайней степени гнева, мурашки по спине не бегали, а от этого даже волосы на затылке зашевелились.

Выбежавший из самого большого шалаша рогатый склонился, подметая бородой землю. За его спиной склонилась еще па-

рочка торговцев, закутанных в темные плащи. Дождавшись небрежного взмаха руки гостя, они споро кинулись к шалашикам и вытолкали безвольных пленников. Всего восемь человек, более походивших на бледные тени. Представив себя среди них, я крепче вцепилась в ледяной камень уже не казавшейся страшной статуи. Есть вещи гораздо страшнее. И они, увы, куда реальнее.

— Это все? — спросил обряженный в красное мужчина. Вроде бы негромко, однако я каждое слово услышала.

— Да, господин шэт-шан, — еще ниже, чем в первый раз, склонился рогатый. — Мы следовали за Сверкающей, и никто не смог от нас скрыться.

Врет как дышит. По крайней мере двоих не хватает...

Названный шэт-шаном медленно прошелся вдоль неровного ряда пленников, всматриваясь в их лица, словно искал кого-то. Остановился, покачал головой и повернулся к рогатому:

— Ты уверен? Поклянешься своей жизнью?

Вместо ответа рогатый повалился на колени, прижался лбом к земле и с придыханием выдал:

— Моя жизнь и так принадлежит вам, господин!

Какая обтекаемая формулировка... Не подкопаешься.

— Мой господин, разрыв вот-вот затянется, — обратился к чересчур задумчивому мужчине один из сопровождающих.

— Считай, тебе повезло, — процедил тот. — Если я узнаю, что ты солгал... — И, жестом оборвав готовые слететь с губ рогатого заверения, добавил: — Доставишь этих в лесную резиденцию. Всех. Оплату получишь там же.

Развернулся и, более ни на что не обращая внимания, пошел обратно. Охрана слаженно двинулась за ним. И чем ближе они подходили к моему убежищу, тем тяжелее было дышать. Мужчина замедлил шаг... свернул с выложенной камнем тропинки и направился к статуе!

Я стояла ни жива ни мертва, не зная, что предпринять. Оставаться на месте глупо, заметят. Бежать — еще глупее, от толпы явно тренированных мужиков далеко не убежишь. Получается, куда ни кинь, выхода просто нет?

Я зажмурилась, не желая мириться с неизбежным... и тут мне зажали рот, обхватили поперек тела и дернули назад. На пару мгновений сгустились и тени, и воздух, а затем не стало ни каменного монстра, ни факелов, ни пугающего мужчины. Да сколько же можно?! Только и делают, что похищают! А потом злят-

ся... Будто я виновата, что некоторые не в состоянии сначала проверить, кого утащить пытаются.

В общем, я тоже разозлилась. Усталость и страх внесли лепту в коктейль эмоций, бурлящих в моей душе, и я с нездоровым наслаждением вонзила зубы в закрывшую мне пол-лица ладонь. Позади сдавленно охнули, ладонь дрогнула, но, увы, не исчезла.

— Тихо, если жить хочешь, — прошипели в ухо.

Жить я хотела, но не была уверена, что желания очередного похитителя совпадают с моими. А потому повторила попытку прогрызть себе свободу. Жесткая хватка ослабла, я ужом выскользнула из нее и, не разбирая дороги, побежала.

Меня каким-то чудом вытащили из негостеприимной деревеньки, и оставалось надеяться, что бегу я в противоположную от нее сторону. И что не сверну себе шею, споткнувшись в высокой траве. Я, конечно, не великая героиня, но столь бесславного конца не заслужила. Наверное...

Небо расчистилось, и на нем воссияла нереально большая луна. Серебристо-голубая, яркая, казалось, до нее можно допрыгнуть, если очень постараться. Но в данный момент все мои старания концентрировались на том, чтобы унести отсюда ноги. Куда? Понятия не имела. С того мига, как я здесь очутилась, не было ни минуты передышки, чтобы просто посидеть, обдумать случившееся и решить, что же делать.

От бега закололо в боку и сбилось дыхание. Все-таки я не спортсменка, удивительно, что до сих пор не рухнула, полностью обессиленная. Но если упаду, больше не встану. А если не встану, меня нагонят. И что тогда со мной будет?

Мысли вертелись со скоростью бешеной белки, обреченной вечно крутить колесо. Не получалось ни сосредоточиться, ни избавиться от них. Даже когда закончилось дыхание. Даже когда, обо что-то запнувшись, я полетела-таки в траву, словно уроненный с телеги мешок картошки. Им же я себя и чувствовала. Целых десять секунд, пока не могла пошевелиться. А потом мысли разом исчезли, оставив лишь одну: нужно бежать. Или идти. На худой конец — ползти. Это в направлении мечты можно лежать сколько угодно, со спасением оно, увы, не работает.

И я поползла. Цеплялась за жесткие стебли, подтягивала непослушное тело, припадала к земле, глотая ртом воздух, и вновь хваталась за траву. И не сразу сообразила, что случилось, когда пальцы сомкнулись на чем-то гладком и прохладном. Недоуменно моргнув, я медленно скользнула взглядом вверх и обреченно сглотнула.

Это были ботинки, мягкие, широконосые, на шнуровке. К ним прилагались достаточно длинные ноги и прочие части тела, принадлежащие мужчине. В свете луны черты его лица казались резкими и неестественными, а застывшее на нем выражение не сулило ничего хорошего.

Я попыталась дать задний ход, но нежданное препятствие наклонилось и без видимых усилий дернуло меня вверх. Ноги предательски подкосились, руки помимо воли вцепились в незнакомца, и я почти повисла на нем... но пальцы не разжала. Тем более что и страх, и злость исчезли как по волшебству, а вот любопытство, наоборот, появилось.

Яркого лунного света оказалось достаточно, чтобы рассмотреть очередного похитителя. На вид ему было не больше двадцати пяти, и на бородатого торговца он ничуть не походил. К моему разочарованию, лоб скрывался под длинной косой челкой, и определить наличие рогов не получилось. Неровно подстриженные до плеч темные волосы не мешало бы причесать. И пару листиков из них вытащить. Но и так было вполне симпатично. Нос прямой, аккуратный. Губы сердито сжаты. Глаза большие, медово-карие, с густыми длинными ресницами. Еще бы взгляд подбрее, а то даже не по себе как-то...

Не мальчик, а картинка. Злая такая картинка, да.

Мои пальцы от своей одежды он отцепил на диво быстро и ловко. Одежда, к слову, тоже была чудная, чем-то на мою нынешнюю похожа, только сидела не в пример лучше.

— Кто ты такая? — прошипел парень, напомнив мне рассерженного кота. Может, оттого и страшно не было.

Я открыла рот, но не издала ни звука — проклятая штуковина работала исправно. Под настороженным взглядом схватилась за горло и красноречиво — надеюсь, что именно красноречиво, а не пугающе — округлила глаза.

К счастью, парень оказался не из пугливых. Пригляделся, досадливо поморщился и снял с меня порядком надоевший ошейник. Вроде бы и неощутимым был, а все равно вздохнула так, словно мельничный жернов с шеи отвязали.

Парень что-то сказал, а я... не поняла! О том, что это был вопрос, лишь по интонации догадалась.

Точно так же было до того, как я обзавелась ошейником.

Значит, то и не ошейник вовсе, и даже не ограничитель болтовни, вернее, не только он, но и... переводчик? Благодаря ему я понимала местную речь и сама могла изъясняться на ней?

Бред расцветал новыми красками...

— Не понимаю! — развела руками я, когда парень отчаялся получить хоть какой-нибудь ответ и явно вознамерился оный вытрясти. — Ничегошеньки не понимаю!

Он застыл, недоверчиво рассматривая меня. Перевел взгляд на ошейник, который все еще держал в руках... Я невольно попятилась, когда парень шагнул ко мне, и затрясла головой. Он что-то сказал, уверенно и нетерпеливо, наверняка пытался достучаться до моего спящего сладким сном разума... И ведь достучался же! С первой попытки. Герой! До него это мало кому удавалось. Я замерла и зажмурилась. Вновь примерять сомнительное украшение не хотелось, но быть непонятой и в свою очередь ничего не понимать не хотелось еще больше, а потому...

Ошейник так ошейник, ради благой цели и потерпеть можно. Совсем немножко.

— Кто ты такая? — повторил похититель, схватив меня за руку.

— Анна, — предельно вежливо ответила я, пытаюсь освободиться. Куда там... — А ты?

— А-на? — протянул он.

— Анна! — поправила я.

Ненавижу, когда мое имя коверкают. Даже уменьшительные варианты не жалую. Но кто бы еще на это внимание обратил! Словно и не услышав, парень отпустил мой локоть и тут же вцепился в плечи.

— Что ты делала в лагере? Следила за шэт-шаном? Зачем? Кто ты?

Это он про мужика в красном? Да я его знать не знаю! Как бы еще доказать?

— Я уже сказала, кто я, — осторожно напомнила я. — А твоего шэт... как его там... впервые в жизни увидела. Я просто пряталась. Хотела сбежать, но нечаянно отстала от тех, кто хотел мне помочь...

— Сбежать? Как? Раз ты маг, то почему не одурманена?

Вот же... Забросал вопросами, а сам даже своего имени не назвал.

— Я не маг, меня по ошибке прихватили, — поморщилась, понимая, что не в том положении, чтобы хранить гордое молчание. — Мои... спутники ушли по лунной тропе, а я нечаянно сошла с нее, вот и...

Я повела в воздухе руками и, смутившись, убрала их за спину. Когда это я успела принять правила игры? Или же смириться с собственными галлюцинациями?

Мальчик-картинка нахмурился, обдумывая мои слова, а я уставилась на него, мечтая хотя бы о крохотном обрывке бумаги и огрызке карандаша. Запечатлеть бы... Красиво бы вышло. Да на фоне местного пейзажа, эх...

Странные мысли в подобной ситуации, признаю, но какие уж есть.

— Слушай внимательно, — дернул меня за рукав объект моих художественных фантазий, — шагай вон по той тропке, никуда не сворачивая, выйдешь к деревне. Там торговцев не любят и тебя приютят. И с родными помогут связаться. Ступай!

Мгновенно потеряв ко мне интерес, парень отвернулся и быстро пошел прочь.

— Эй, подожди! — воскликнула я. — Не бросай меня! Я... я тебе пригожусь!

Божечки, что за бред?! Но я не знала, как его удержать, а в том, что удержать нужно, не сомневалась ни капли. При мысли, что не получится, в душе волной поднималась паника, в глазах темнело, а голову будто в тисках сжимало.

— Чем же ты можешь пригодиться?

Обернулся!

— Давай заключим сделку! — выпалила я. — Ты помогаешь мне, а я...

На этом моменте фантазия спасовала. А и в самом деле, что я могу? Почему вообще за него цепляюсь, словно утопающий за соломинку?

— И что же ты можешь предложить? — поторопила «соломинка» таким тоном, что захотелось провалиться сквозь землю. Я замешкалась с ответом, и парень презрительно усмехнулся и развернулся.

От осознания, что сейчас он уйдет и я останусь одна-одинешенька неизвестно где, перед глазами потемнело и закружилось с новой силой.

— Стой! — в отчаянии выкрикнула я. — Я помогу найти то, что ты ищешь!

Я совершенно не понимала, о чем сейчас говорю. Не задумываясь, в отчаянной надежде привлечь внимание... И таки привлекла.

Парень замер. Я затаила дыхание, сверля взглядом его спину, и до боли сжимала кулаки, чтобы не сорваться и не нарушить звенящую тишину.

— Значит, отыщешь то, что мне нужно? — обернулся он.

Божечки... Неужели, ткнув пальцем в небо, попала в цель?!

Я закивала, позабыв о мигрени, и чуть не взвыла от ощущения вворачивающегося в темечко раскаленного прута. И внутренне сжалась, ожидая расспросов. Вряд ли сумею ответить хоть на один. И как собираюсь исполнять свою часть сделки, представления не имею. Но каждый выживает как может. Это — мой шанс выжить, и упускать его я не намерена, даже если придется лгать. В конце концов, от него не убудет. А вот от меня в случае, если он уйдет, — еще как.

— Не верю, — качнул лохматой головой мой шанс и, шагнув назад, растворился в ночи.

Я зажмурилась, потеряла глаза, но, когда открыла их, ничего не изменилось.

Что это было?!

Закусив губу, я смотрела на покрытую затухающими искрами траву и пыталась справиться с паникой. Нельзя расслабляться. Не место и не время. Да, я осталась одна, но зато хотя бы свободна. И перво-наперво мне нужно добраться до людей.

Указанная тропка была узкой, но заметной — неплохо ее вытоптали, может, и правда к деревне выведет. Главное, дойти до нее и больше ни во что не влипнуть. Да за последние несколько часов я нашла приключений больше, чем за всю свою жизнь! Или же это они нашли меня? Не помню, чтобы когда-то мечтала о подобном. Приключения я уважала лишь в книгах, предпочитая при этом сидеть в мягком кресле, закутавшись в теплый плед и поедая шоколадку.

От пледа бы я не отказалась. Но желаннее всего сейчас была обувь. Хоть какая-нибудь. Хоть дырявые тапочки! Ноги болели, и я боялась даже взглянуть на них, чтобы не ужаснуться и не разреветься. Попыталась оторвать часть ткани от безрукавки и обмотать ступни, но то ли материал был удивительно прочным, то ли я на редкость бессильна... Ничего у меня не вышло.

Ничего, заживет. Было бы чему...

Тропка виляла и петляла, и когда она в очередной раз вползла на невысокий холм, на подъем которого сил уже не осталось, я решила срезать путь. И успела-то всего пару шагов сделать, как вокруг лодыжки что-то обернулось и дернуло в сторону. Я упала, потянулась к ноге, ощупала толстый стебель, крепко ее обхвативший. Прекрасно. Сколько времени потеряю, распутывая эту ловушку природы!

На деле все обстояло еще печальнее, чем я полагала. Стебель не поддавался. Я не могла разорвать его, не могла выдернуть корень, да что там — я и найти-то оный не сумела; ногтями он не

пилился, зубами... возможно, и грызся, но проверять побоялась, мало ли, вдруг ядовитый. Но еще страшнее было то, что кто-нибудь вполне сможет погрызть меня...

И когда я уже совсем отчаялась, по залитой лунным светом земле скользнула странная тень... Я запрокинула голову и позабыла, как дышать.

В темном небе, мерцаая звездным светом, бесшумно летел дракон. Бескрылый. Шестилапый. Пернатый? Низенько так летел, я во всех подробностях разглядела...

Нет, это не местные чокнулись. Это все-таки я.

Или же... Магия и в самом деле существует? И это вовсе не мой мир? Просто не может быть моим миром. В нем траву не усыпают волшебные искры, не водятся рогатые рыжие мужики, не стелются под ноги лунные дорожки, люди не исчезают в теньях, а в небе не летают сверкающие шары и драконы.

ГЛАВА 4

Внезапно я почувствовала себя такой маленькой и жалкой... По щеке медленно поползла горячая капля. За ней еще одна. И еще. На душе было мерзко. Обхватив колени, я уткнулась в них лицом и наконец-то разревелась, искренне, от души, ничего не слыша и не замечая. Реши какая зверушка мною закусить, я, пожалуй, и этого не заметила бы. И очень удивилась, когда меня вдруг повалили на землю. Да еще и сверху чем-то тяжелым придавили. Теперь я видела лишь маленький кусочек неба... и заходящего на очередной круг бескрылого дракона. Он извернулся в воздухе и резко пошел на снижение. Я зажмурилась, когда поняла, что снижается он на меня. На нас...

— Не дергайся, — знакомо прошипели в ухо. — Замри...

Я послушно затихла. Божечки... Неужели меня сожрет дракон, и на дракона-то лишь отдаленно похожий? Как же нелепо!

Лежали мы недолго, но с жизнью проститься я успела. И не скажу, что мне это понравилось.

— Совсем глупая, да? — скатившись с меня, зло спросил мальчик-картинка. — Какого... Почему сразу мертвой не притворилась? Впервые чентоля видишь?!

— Более того, впервые про него слышу, — буркнула я, кое-как поднявшись и едва вновь не упав — проклятый стебель никуда не делся.

— О, и в сеть рауда умудрилась попасть! — с непонятым восхищением протянул парень. — Ни разу не встречал такую... одаренную особу!

Я благоразумно промолчала. Вытащенный из-за пояса кинжал, знаете ли, весьма оному благоразумию способствует.

Одного взмаха отточенного клинка хватило, чтобы моя нога оказалась свободна, но радоваться я не спешила.

— Зачем пришел? — не слишком дружелюбно — пережитый страх таки сказался — поинтересовалась я.

— Заключить сделку, — криво усмехнулся парень. — Не передумала еще?

Хотелось гордо отказаться и удалиться в сторону деревни, но... я уже не была уверена, что смогу до нее дойти. А потому осторожно кивнула, ожидая, что сейчас он потребует клятву. Может, даже на крови, не зря же кинжал не спрятал. Кто знает, как тут принято сделки заключать.

Но парень молчал. Обошел вокруг меня, вздохнул и махнул рукой:

— Надеюсь, я об этом не пожалею.

А уж я-то как на это надеюсь... Никакими словами не передать!

— Куда тебя проводить? Откуда ты?

— Для начала неплохо бы узнать, где я сейчас, — вздохнула я.

— Прайго, — коротко ответил парень, убирая кинжал.

Я растерянно моргнула. Это что такое?

— Западный край, — подсказал он.

— Земля? — робко спросила я.

— Эйторра, — не оправдал моих надежд парень. — Ты с Небес свалилась, что ли?

Из автобуса. На асфальт. И лучше б я о тот асфальт шишку с футбольный мяч набила, чем... вот это вот все.

— Я не помню, что со мной случилось, — соврала я и тут же приправила ложь правдой: — И не знаю, что делать. Мне некуда идти.

Сами мы не местные, помогите кто чем может. Какой ужас...

Парень смерил меня задумчивым взглядом. Сейчас опять в деревню пошлет. В лучшем случае доведет до ближайшего дома.

— Идем, — наконец чего-то надумал он и свернул с тропки.

— В деревню? — уточнила я.

— Мне там делать нечего. Тебе тоже.

Угу, не так давно он был иного мнения. С чего бы это?

Я заспешила за ним, пытаясь приноровиться к широким шагам. Босые ноги, изрядно замерзшие и поцарапанные, заняли

особенно сильно, но я сжала зубы и велела себе терпеть. А чтобы было легче, можно и полезным разговором отвлечься.

— Как тебя зовут? — пропыхтела я, стараясь не отставать. — Мое имя знаешь, так, может, и свое скажешь?

— Йонто, — коротко бросил парень, не оборачиваясь.

— Йон-то — покатала я на языке непривычное имя. А что, мне нравится. Ему идет.

Был бы еще хоть немного повежливее. Ой, не важно! Главное, что не пытается меня в мешок запихать и голоса лишить, да и рогов у него нет. Вроде бы. Ведь нет же?

Я заковыляла быстрее, обогнала парня и, пока он не опомнился, приподняла его челку. Точно нет! Ура! Ой... Рогов нет, а вот реакции еще как есть.

— Что ты делаешь? — прищурился он, сжимая мое запястье.

— Проверяю кое-чего, — буркнула я, пытаюсь высвободиться. — Пусти! Пожалуйста...

Вежливости не хватало не только ему, да. Как бы теперь и вовсе в одиночестве не пришлось топать. Неведомо где, неведомо куда...

— Я больше так не буду! — торопливо добавила я, представив, что сейчас меня действительно бросят посреди поля и ночи. И едва сдержалась, чтобы не шарахнуться, когда Йонто, отпустив мою руку, сел на траву. — Эй... ты чего?

— Сядь, — велел он.

Я послушалась. Не знаю, правда, зачем. Он же расшнуровал ботинки, снял их и протянул мне.

— А... как же ты?! — растерялась я.

— Я привычный, — сухо отозвался Йонто. — Ничего со мной не будет. А ты без ног останешься. Что потом прикажешь с тобой делать? На руках тащить?

— Не надо на руках, надорвешься еще. Или вообще уронишь, — отказалась от сомнительной чести я и все-таки взяла ботинки. Раз сам предлагает, глупо же отнекиваться?

Ботинки конечно же оказались большими, но благодаря их мягкости, легкости и хорошо утягивающей шнуровке проблем не возникло, и я смогла идти гораздо быстрее. Йонто же шагал так, словно ему и впрямь было не привыкать разгуливать босиком. Я шла следом и ломала голову над тем, как начать разговор. Эйторра, Западный край, Прайго... Мне это ни о чем не говорило. Не мешало бы узнать более подробно, куда я попала, но как об этом спросить? Прямо заявить, что я, похоже, из другого мира? Не наврежу ли я себе? Нет, рядом с Йонто удивительно спокойно, но...

могу ли я доверять своим ощущениям? Никогда еще они не были столь яркими и сильными, и, признаться, это пугало.

Йонто тоже молчал. Его будто совсем не волновало, кто я и что со мной произошло. Я бы с непонятной девицей ни за что не связалась. Пусть бы топала в деревню, не моя печаль, дотопают или нет. И не его. А вот поди ж ты... Вернулся. Не бросил. Не в моих же сомнительных обещаниях дело? Тогда почему? В добрые намерения окружающих я с детства не верила. Должно быть тут что-то еще... Должно.

И мысли эти, неблагодарные и тяжелые, не желали уживаться с чувствами.

Как бы и в самом деле с ума не сойти.

Через какое-то время боль в ногах и голове стала невыносимой, и я не могла ни идти, ни думать. Споткнулась, упала, кое-как села и продолжать путь наотрез отказалась. Йонто попробовал уговорить, потерпел сокрушительное поражение, без колебаний отmel коварное предложение понести меня на руках и объявил привал.

Ура. У меня есть шанс выжить.

Правда, привалы я представляла себе несколько иначе. И в мыслях моих рисовались костер, вкусная еда, удобные спальные мешки... Романтика, в общем. В реальности же не было ничего, кроме елочек и травки. Старовата я для такого экстрима! Да и как уснуть в присутствии незнакомого человека, которому пока что не можешь доверять?

А вот Йонто ничего не смущало. Он быстро нашел ровное местечко, безжалостно ободрал несколько еловых лап, сложил их на травке и бросил поверх свою безрукавку.

— Ложись, — кивнул на импровизированную постель, а сам, отойдя на шаг, прочертил подобранной толстой палкой линию.

— Это твоя половина, а это моя. Попробуешь пересечь черту — закричу, — предупредил он и, улегшись прямо на землю, повернулся ко мне спиной.

Э... Что? Он серьезно?!

Искушение проверить было велико. Но вдруг и правда кричать будет, и кто знает, что тогда на шум приползет. Скорчив рожицу его лохматому затылку, я осторожно забралась на подобие лежака и натянула свою безрукавку до самого носа. Повертелась с боку на бок — да уж, это вам не царское ложе, наутро без слез не встанешь! — полюбовалась на небо, густо усеянное звездами — ни одного созвездия так и не опознала, что лишь подтверждало дикую догадку, — и наконец-то не выдержала.

— Тебе не холодно? — повернувшись к нарисованной границе, шепнула я.

Но отвечать мне не пожелали. То ли посчитали ниже своего достоинства, то ли правда уже спали... Повторять вопрос не стала, вдруг разбужу. Или рассержу. Не знаю даже, что хуже. Нужно попытаться уснуть. Тогда и мигрень утихнет, и...

...возможно, проснусь я в своей постели.

Последняя мысль приободрила. Я натянула безрукавку на голову, закрыла глаза и задышала, считая вдохи и выдохи. И все-таки провалилась в желанный сон, глубокий, крепкий, наполненный надеждой.

Тем поздним вечером Йонто разбудил разговор. Срывающийся шепот, торопливый, молящий, вкручивался в уши, проникал в голову и, казалось, царапал ее изнутри.

Соврала старуха о том, что вино легкое. Об остальном, видимо, тоже ни словечка правды не сказала. А словечки-то оцарапали душу не хуже, чем жуткий шепот — голову. Лучше бы на улице где прикорнул, право слово...

Приподнявшись на лавке, узкой и жесткой, он огляделся, благо что из самого дальнего угла вид открывался хороший. Корчма была пуста и темна. Дрянные свечи чадили лишь на одном столике, за ним же сидели двое. Наемник, один из тех, что берутся за любое дело, было бы вознаграждение достойным, и пожилой мужчина. Наемник лениво потягивал темное пиво, потенциальный клиент же, нервно сжимая ладони, о чем-то его умолял. Меж ними лежал внушительных размеров кошель.

Вслушиваться Йонто не хотел, своих проблем хватало, а потому вышел во двор. Свежий воздух остудил лицо, но тревога так и не ушла. И он понял, что проснулся вовсе не из-за разговора. Нет. Где-то грубо разорвали ткань пространства, и она трещала, тонко звенела, пытаясь срастить края. И он совершенно точно знал, кто это сделал. Вот только зачем? В голове прояснялось, а в душе росла злость. Та самая злость, благодаря которой он все еще дышал. Сколько вздохов осталось? И на что он хочет их потратить? На паршивое вино? Головную боль? Страх? Или глупую надежду, которую сулила полубезумная старуха с засаленными гадальными картами? Что ему с тех гаданий? С самого рождения чего ему только ни пророчили. А он все еще жив. Другой вопрос, надолго ли... Но это и не важно. Важно, как распорядиться временем. Важно, сможет ли он посмотреть в глаза отцу, когда они наконец-то встретятся.

Скорей бы уже...

До этой ночи Йонто не приходилось бывать в лагерях торговцев. Он даже не представлял, где и как их искать. А вот шэт-шан конечно же знал. Только к чему бы ему лично сюда являться? Неужто людей не хватает? Вряд ли, вон сколько сопровождающих, вполне могли бы обойтись и без господина. К тому же трижды разрывать завесу пространства, чтобы посмотреть на одурманенных зовом Сверкающей магов, — слишком даже для светлейшего шэт-шана. Знает же, как волнуется мир... И что это непременно откликнется.

Кого бы он ни искал, его ждало разочарование. Так и ушел ни с чем, и Йонто обязательно бы последовал за ним, чтобы понять, для чего все это было, но, увидев кое-что любопытное, передумал.

Девица явно шпионила, и это заинтересовало Йонто сильнее, чем поведение шэт-шана. Настолько, что неумелую шпионку он забрал на теневою тропу за миг до того, как ее обнаружили. Но... девица оказалась вовсе не той, за кого он ее принял.

Или все-таки — той самой?

— Когда тебе предложат помощь — не отказывайся, — как наяву услышал он скрипучий голос старухи, чьи дрожащие сухие пальцы любовно перебирали, гладили карты. И чудилось в этом что-то сокровенное, таинственное, будто не гадала она, а плела судьбу. — И сам в помощи не откажи. Отдавая — обретешь. Обретая — будешь жить. Все в твоих руках.

Нет, старухе Йонто не верил. Не хотел верить, не хотел вновь обмануться. Но и уйти почему-то не смог. Не смог бросить странную девушку, не понимающую ни слова, отчаянно боящуюся, но не показывающую свой страх. Девушку, которая отчего-то решила, что он может ей помочь. И которая сама предложила ему помощь.

Йонто не верил. Но отчего-то решил проверить.

Ана действительно была странной, ни на кого не похожей. Словно с Небес свалилась. Не знала элементарных вещей, но в то же время заставила Йонто остаться, хотя он и хотел уйти, не оглядываясь. В конце концов, он еще не понял, что побудило шэт-шана лично таскаться по лагерям торговцев, а в ночь Сверкающей даже ребенок дошел бы в одиночку куда угодно, потому что вся опасная живность и неживность предпочитала пересидеть это время в укромных норах. За исключением низших чентолей, становящихся опасными лишь в эту ночь да в сильные грозы... Но в таком состоянии они умом не блещут, и спастись от них проще простого. Для всех, но не для Аны.

Она была напугана, но держалась. Храбрилась изо всех сил, шутила и пыталась убедить и его, и себя саму, что ни капельки не боится. Только он чувствовал ее страх. Видел, как дрожат тонкие пальцы, как бьется жилка на шее, слышал прерывистое дыхание. Сложно довериться незнакомцу, особенно если не можешь защититься. На месте Аны он бы к себе не подошел. Но у нее, похоже, не было выбора. У него... все же был, наверное, и он его сделал. И раз уж их угораздило оказаться вдвоем, стоило избавиться от страха. Ничего лучше разделяющей линии он не придумал, но это неожиданно сработало. Напряжение отпустило Ану, и она уснула. А вот Йонто так и не сомкнул глаз, размышляя, куда он впутался... и что из всего этого выйдет.

Канро был в ярости. Частички мира, способной подарить ему желанное счастье и покой, он так и не нашел. Понять бы еще, то ли торговцы показали не всех откликнувшихся на зов Сверкающей, то ли Агрийо ошибся с расчетами и шэт-шан ждал и искал напрасно.

Ночь Сверкающей, волшебная ночь, закончилась, и совсем не так, как надеялся Канро.

— Она здесь, господин, — прошелестел звездочет, когда полновластный владетель Прайго утомился громить гостиную и опустил на обломки кресла. — Я чувствую, как изменился мир. Чувствую, что зажглась новая искра.

— Ну так почувствуй, где именно она зажглась, — выдохнул Канро, прикрыв глаза. Он не видел, но знал, что сейчас они мерцают алым. Тяжело было сдерживать обращение, и все чаще контроль над собой казался таким ненадежным... — Почувствуй и приведи ее ко мне, пока еще способен чувствовать и ходить.

Агрийо, поклонившись, тихо вышел, скользнув в проломленную дверь. Шэт-шан вытянул руку, один за другим выпустил длинные острые когти и серьезно задумался над тем, а не стоит ли плюнуть на все правила и дать себе волю?

«Так и сделаю, — решил он, убрав когти и сжимая пальцы в кулак. — Если не получу ее, непременно сделаю!»

ГЛАВА 5

Мне снова снился тот же сон. Тот же... да не совсем. Раньше я видела все со стороны, сейчас же из зрителя превратилась в участника. Я оказалась на поляне, могла коснуться дерева, ощутить аромат фиолетовых цветов, крупных, с две мои ладони...

И окликнуть мужчину, стоящего ко мне спиной. Он был жив. Пока что жив. Но я знала, что время, отпущенное ему, истекает, что вот-вот с небес обрушится огонь...

— Беги! — хотела крикнуть я, но с губ сорвался лишь сиплый шепот.

Однако меня услышали. Он стал оборачиваться. Медленно. Очень медленно. Слишком...

С неба раздался оглушающий рев, и хлынуло пламя. Жар не ощущался, но застилал глаза, и лица наконец-то обернувшегося мужчины я не разглядела.

А ведь это было важно. Так важно, что я кинулась под огненную завесу, которая все-таки опалила руки и щеки. Я зажмурилась, готовясь к своей и чужой боли, но сквозь непрекращающийся рев неведомого чудища прорвалось противное кваканье. Монотонное, навязчивое, вырывающее из кошмара и тут же стирающее его, как ластик — намалеванные карандашом каракули.

Будильник. Зачем я завела будильник, если мне никуда не надо? И самое главное, что за мерзкая мелодия?!

Я застонала, смиряясь с неизбежным, протянула руку, чтобы отключить источник жутких звуков, оцарапала ладонь... И открыла глаза. В следующий миг непрерывное кваканье дополнил мой визг. Сидящую напротив меня раздутую, словно футбольный мяч, склизкую тварь он не впечатлил — она даже не заткнулась! — зато проникся выломившийся из кустов парень в расшнурованной рубашке. Он обвел полянку шальным взглядом и, вместо того чтобы спасти меня, тяжело вздохнул.

А я обреченно зажмурилась и закрыла лицо руками. Ведь так надеялась проснуться дома! Так желала, чтобы все оказалось сном!

— Эй, ты чего? — участливо спросил парень, спугнув тварюку и легко коснувшись моего плеча. Йонто. Его зовут Йонто. И он тоже — не сон. — Ты в порядке? Испугалась нарры? Она только с виду страшная, а так безобидна... Не знаешь разве? Ты хоть что-нибудь знаешь? Что с тобой вообще произошло?

— Не помню, — прошептала я. — Ничего не помню...

Да, все правильно. Лучше амнезия, чем помутившийся разум. С амнезией небось в психушку не упекут. Или что в этом мире вместо нее? Нет, с одной стороны, неплохо бы разжиться информацией, сориентироваться, куда я попала и чем мне это грозит... С другой же — не представляю, как сказать правду. И какая будет на нее реакция. И не останусь ли я снова одна. Да,

этот парень помог мне, но... Кто знает, что у него на уме? Могли я безоговорочно ему доверять? В лучшем случае сочтет сумасшедшей и сбежит... А меня сожрут бескрылые пернатые драконы и вряд ли подавятся.

— Пить хочешь?

Я хотела. И пить, и есть, и справиться другие надобности. Странно, что вчера ничего не хотелось.

— Торговцы поят своих жертв особым отваром, временно отключающим естественные потребности организма, — ответил Йонто, когда я спросила об этой странности.

А что, хороший отвар, полезный. Выпил — и никаких проблем целый день.

— При частом употреблении приводит к тяжелым последствиям, — тут же разбил мои мечтания Йонто.

Пожалуй, обойдусь. До кустиков пробежаться не проблема, а поголодать даже полезно. И для фигуры, и для здоровья в целом.

— Пей сколько нужно, — сев рядом, протянул он флягу. — Здесь неподалеку ручей, еще наберу.

— Кто они вообще такие? Они похищают... магов? — Божечки, я и в самом деле произнесла это слово? На полном серьезе?

Я сделала глоток из фляги. Вода была прохладной и упоительно-сладкой, а о том, откуда именно она набрана и насколько богата микроорганизмами, лучше не думать.

— Не только. И назвать это похищением... Увы, так это не называют. Ты и правда не знаешь?

Я помотала головой.

— Существует закон, по которому все одаренные сразу же после пробуждения дара обязаны становиться на особый учет. Сильных ждет обучение и слава, — Йонто поморщился, выражая свое отношение к оной, — слабым же уготована иная участь. Им достается все тяжелое, вредное, выкачивающее силы и в итоге калечащее либо лишаящее жизни. А потому те, кто могут, скрываются. Но в ночь Сверкающей они сами покидают укрытия — мало кто способен сопротивляться ее зову, — и тогда беглецов забирают торговцы. В остальное же время эти... хм, в остальное время они разыскивают и продают редкие магические штучки. Или существ. Или обычных людей... Совесть позволяет.

Йонто торговцев явно не выносил. И уже одним этим заслужил мою симпатию.

— Как ты попала к торговцам? — спросил он.

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Дара у меня нет, я не сбегала и не пряталась... Они сами напали! Спросили, видела ли я сияющий шар. Да его же только слепой и не увидел бы! Надо было притвориться, что ничего не вижу...

— Ты видела Сверкающую?!

О, и он туда же! Чего в этой светящейся штуке особенного, раз все на нее так странно реагируют?

— Видела, — отодвинувшись на всякий случай, кивнула я и с опаской уточнила: — Ты же не собираешься из-за этого запихивать меня в мешок? Учти, живой не дамся!

— Видела, но утверждаешь, что не маг, — прищурился Йонто, и я еще немного подвинулась, размышляя, не пора ли бежать. Остановило понимание, что далеко все равно не убегу.

— Тот рогатый тоже сказал, что я не маг. Сыпанул в лицо пыль и был разочарован отсутствием эффекта. А еще надел эту штуку, — коснулась я ошейника. — Без нее я вообще ничего не понимаю...

С ней, впрочем, тоже, за исключением речи.

— Это канш. Такие надевают на хони, — пояснил Йонто.

Ну как пояснил... Даже с чудо-переводчиком смысл до меня не дошел!

— Что такое хони? — чувствуя себя полной дурой, спросила я.

— Мелкая полуразумная лесная нечисть. Безошибочно чувствуют клады, месторождения драгоценных камней. Вот только сказать не могут. Без этой штуки не могут. Охотники ловят хони, надевают на них канш и расспрашивают о сокровищах...

Я перехватила взгляд Йонто и сглотнула. Сдается, после эдаких вопросов рассказчики не выживают, а если и выживают, то не особо этому радуются...

— Собирайся, и так много времени потеряли, — велел Йонто, вставая. — Если хочешь умыться, ручей там, — махнул он в сторону тонких деревьев с серебряной корой и такими же листьями.

Умыться я тоже хотела, заодно и огляделась. При свете солнышка все казалось иным. Трава и в самом деле отливала синевой, а выглядывающие из нее крупные яркие цветы я никогда не видела даже на картинках. А еще... Искры не растаяли. Они стали прозрачными, точно капельки росы, и плотными, похожими на бусины. Не удержавшись, я набрала горсть, любясь, пересыпала искорки из одной ладони в другую. Красиво. И выкидывать жалко... Спрятав добычу в карман безрукавки, я пошла да-

льше. Миновала серебряные деревья и спустилась по пологому склону в овраг.

Ручеек оказался чистым. На вид конечно же. Вода бежала по устилающим дно камешкам, прозрачная, холодная, бодрящая. Умывшись, я повернула было обратно, но тут услышала что-то странное. Тонкий писк, еле различимый за журчанием ручья. Показалось? Я застыла, прислушиваясь, и писк повторился. Жалобный, молящий, аж сердце кольнуло.

Перебраться через ручеек оказалось легко, я даже ноги не промочила. А вот дальше все обстояло гораздо сложнее. Писк доносился с крутого, практически отвесного склона, из зарослей ползучего растения, высокого, густого, с ярко-оранжевыми листьями. Даже учитывая многочисленные корни деревьев, выступающие из земли и буквально оплетающие склон, восхождение — с моей-то ловкостью и навыками — могло закончиться печально.

Но сдаваться просто так я не намеревалась. Наскребла остатки храбрости, вымела крохи разума, вцепилась в корень и только собралась подтянуться, как меня оттащили от склона.

— С ума сошла? — очень вежливо поинтересовался Йонто.

— Там кто-то плачет, — кивнула я на кустарник. — Кто-то...

— ...очень голодный и зубастый? — без тени улыбки предположил он. — Не боишься стать завтраком? При условии, что не сломаешь себе шею... Впрочем, одно другому не мешает. Многие существа не брезгуют и не совсем свежей пищей.

— Если бы там был кто-то зубастый и голодный, стал бы он ждать, когда я к нему приду? — возразила я. — Нет. Там кто-то маленький и очень несчастный. Пусты.

— Куда? Спасать будешь?

— Буду, — упрямо заявила я и вновь примерилась к облюбованному корню. Главное, крепче держаться, тогда, может, и доползу.

— Напомни, почему я взял тебя с собой? — задумчиво спросил Йонто.

— Не знаю, ты сам вернулся, я не звала, — пропыхтела я.

Ох... В последний раз подобные подвиги на уроках физкультуры проделывала. И не всегда они увенчивались успехом, ой не всегда...

— Это детеныш чентоля, — невозмутимо заявил Йонто, когда мне удалось-таки подтянуться. — Запутался в ветвях. Шансов выпутаться практически нет.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая	8
Часть вторая	151
<i>Эпilog</i>	373